

организацией лексических единиц. Ядро поля составляют лексемы с первичными, анатомическими значениями. Периферия делится на ближнюю – слова с номинативно-производным или переносным значением (лексическая система) и дальнюю – лексемы в переносном значении в составе ФЕ (фразеологическая система). Фразеологическая активность поля проявляется в наличие макро- и микропарадигм фразеологизмов, в количестве гнезд и в количестве выявленных фразеологических единиц. Наиболее активными (по убывающей), по нашим данным, являются парадигмы с фразеолексами *cœur* – 300 ФЕ, *sang* – 130 ФЕ, *nerf* – 45 ФЕ, *gorge* – 45 ФЕ, *estomac* – 40 ФЕ, *cervelle* – 30 ФЕ, *cerveau* – 25 ФЕ. Слабо активными – *rein* – 22 ФЕ, *gosier* – 21 ФЕ, *foie* – 17 ФЕ, *veine* – 16 ФЕ, *entrailles* – 12 ФЕ, *poumon* – 10 ФЕ. Неактивными в образовании ФЕ явились лексемы *artère*, *urine*, *morve* – образовали только по одному фразеологизму. Результаты исследования показали, что лексическую зону составляют 8 лексем (23 % от общего числа слов) и лексико-фразеологическую – 27 лексем (77 %).

Таким образом, теория поля является результативной. Во-первых, это та величина, в которой слово существует как член лексико-семантической системы, во-вторых, благодаря этой модели можно объяснить возможности развития у слов новых значений и рассмотреть их развитие в рамках лексико-фразеологического поля.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Спорные проблемы семантики / Н.Ф. Алефиренко. – Волгоград: Перемена, 1999. – 273 с.
2. Гак В.Г. Беседы о французском слове. Из сравнительной лексикологии французского и русского языков / В.Г. Гак. - 2-е изд., исправ. - М.: Едиториал УРСС, 2004. – 336 с.
3. Кириллова Н.Н. Фразеология романских языков: этнолингвистический аспект: Монография / Н.Н. Кириллова. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2003. – Ч.1: Природа и космос. – 319 с.
4. Копыленко М.М. Очерки по общей фразеологии (фразеосочетания в системе языка) / М.М. Копыленко, З.Д. Попова. - Воронеж: Изд-во ВГУ, 1989. – 190 с.

Н.И. Кутина

СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ВНУТРЕННИЕ ОРГАНЫ ЧЕЛОВЕКА» ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Семантические процессы и изменения, характерные для языковой системы в целом, присущи и отдельным её межуровневым образованиям,

например, лексико-фразеологическому полю (ЛФП). В данной статье исследуется ЛФП «Внутренние органы человека» во французском языке, изучается и лексический, и фразеологический корпус: последний является частью лексической системы. Поскольку именно слова являются единственным, самым доступным человеку «проводником» в мир сознания и бесчисленных смыслов, рождаемых им. «В самом слове, в равной мере в его вербальной дефиниции фиксируются результаты когнитивных усилий человеческого разума» [2: 35]. К наиболее продуктивным типам семантических отношений языковых единиц относятся полисемия, синонимия, вариативность, метафора и метонимия. В данной статье мы рассмотрим явления метафоры и метонимии.

По мнению Н.Д. Арутюновой, метафора – это, прежде всего, способ уловить индивидуальность конкретного предмета или явления, передать его неповторимость, она индивидуализирует предмет, относя его к классу, которому он не принадлежит: она (метафора) работает на категориальной ошибке [1: 346-348]. При помощи метафоры собственное значение слова переносится на значение, которое ему не подходит. Слово, принявшее метафорическое значение предстает в сознании как сравнение между собственным значением и значением, с которым его сравнивают [8: 135].

Метафора и метонимия представляют собой, прежде всего механизмы речи, и являются особыми типами окказиональной номинации [4: 156]. Метафорой называется использование слова по отношению к новому внеязыковому объекту, сходному со старым денотатом. В момент создания или выбора такой номинативной единицы говорящий исходит из реальных признаков предмета сравнения. По мнению отечественных лингвистов, такие переносные номинации как метафора приводят к многозначности слов и уменьшают роль словообразования [7: 235]. Метонимия – это использование слова по отношению к новому внеязыковому объекту, смежному со старым денотатом во времени и пространстве и вовлеченному с ним в одну ситуацию.

Аристотель считал, что «метафорой называются такие слова, которые ввиду сходства переносятся с одного предмета на другой ради живости речи, или ввиду отсутствия в языке соответствующего понятию слова, а метонимическими выражениями – такие, в которых вместо точно соответствующего предмету слова представляется иное слово с тем же значением, заимствованное от предмета, находящегося с данным в теснейшей связи» [цит. по 5: 47].

Метафора и метонимия как два способа развития значения слов обычно противопоставляются друг другу по двум направлениям. Во-первых, метафора рассматриваются как чисто языковое явление, в то время как метонимия объясняется влиянием экстралингвистических факторов. Во-вторых, отмечается, что метафора строится на отношении сходст-

ва, а метонимия – на отношении смежности.

Процессы метафоризации слова и словосочетания – явления разного порядка. При первом возникает его новое переносное значение, а в словосочетании, наделенном переносно обобщенным значением – фразеосеммой, возникает фразеологическая единица. В этом и состоит специфика ФЕ – называть объект не прямо, а опосредованно, косвенно, что подтверждает именование данных единиц знаками вторичной номинации с выраженным коннотатом. Например, значение ‘быть без сил, измотанным’ передается ФЕ *avoir les reins en compote* (букв. ‘иметь почки как фруктовое пюре’), в которой эффект нереальности, несочетаемости вызван компонентами *reins* и *compote* и сравнением состояния человека с состоянием фруктового пюре. Фразеосемема ‘приставать с ножом к горлу’ заключена в выражении *mettre à qqn l'épée dans les reins* (букв. ‘поместить кому-либо шпагу в почки’). Внутри этой ФЕ происходит совмещение и буквального и переносного значений – абстрактное значение вырастает из конкретного. Признак ‘интенсивность’ заключен во фразеологизме *ouvrir l'estomac* (букв. ‘открыть желудок’) ‘вызывать аппетит’, образ которого – сравнение с возможностью по желанию открывать или закрывать этот орган. В выражении *avoir le cœur combustible* (букв. ‘иметь горючее сердце’) ‘обладать пылким темпераментом’ ‘сердце’ как орган отождествляется с веществом, способным воспламеняться от любой искры. Образ ФЕ *prendre par les entrailles* (букв. ‘взять за внутренности’) ‘хватать за сердце, за душу’ представлен моделью «невозможно достать, не навредив человеку; то, что внутри необходимо и ценно для него, об этом он думает, и это его заботит». Данная модель семантически закрепила в значениях лексики *entrailles*: от мн. ч. ‘кишки’ (уст.) до ед. ч. ‘сердце’.

В основе метафоризации лежит расплывчатость понятий, которыми оперирует человек, отражая в своем сознании постоянно изменяющуюся внеязыковую действительность. Существует точка зрения, что в метафорах сохраняются пережитки нерасчлененного смутного первобытного мышления человека. Так, фразеологизм *cœur de marbre* ‘холодное, каменное сердце’ ассоциируется с физическими данными предмета: камень всегда холодный и твердый, или же ФЕ *cœur de vipère* ‘змеиная душа’, в которой змея, на период создания фразеологизма, считалась злым, скрытным земноводным, несущим исключительно зло. Компонент *airain* (*m*) ‘бронза’ передает свой признак ‘прочный, твердый предмет’ значению ФЕ *cœur d'airain* ‘жестокое сердце’, т.е. сердце приравнивается не просто к неодушевленному предмету, а именно к металлическому.

Приведенные ФЕ показывают, что суть метафоры как языкового явления заключается в стирании границ между основными семантическими категориями – живой / неживой природой и относящийся / или нет к человеку. Это сравнение, в процессе которого сознание, будучи обманутым ассоциацией

двух понятий, смешивает в одном слове и передаваемое понятие, и конкретный предмет, взятый за основу сравнения. Например, в ФЕ *avoir le cerveau coiffé* (букв. 'иметь прикрытый чем-либо мозг') мозг становится возможным накрыть чем-либо (перенос с внешнего предмета – головы на внутреннее содержание – мозг), что отражено значением 'быть пьяным', т.е. с закрытым, затуманенным мозгом (состояние пьяного человека, который ведет себя неадекватно, не обдумывая свои действия).

Метафора делает абстрактное легче воспринимаемым, проходя путь от конкретного – к абстрактному, от материального – к духовному: так, признак конкретного предмета – шезлонга – '*chaise longue*', - 'отдыха, неги и расслабления после работы' проникает и закрепляется в значении следующего фразеологизма, становясь его мотивированным образом: *il a la cervelle qui fait de la chaise longue* 'он ничего не соображает от усталости'.

В выражении *son cœur est un coffre-fort* 'он любит только деньги' существительное '*сердце*' коррелирует с закрытым предметом, в котором хранятся только самые ценные и дорогие вещи: в сейфах перевозят и драгоценности, и деньги. В данном фразеологизме в значении превалирует отрицательный коннотативный признак.

В процессе изучения ЛФП «внутренние органы человека» выявлено, что метафора возникает тогда, когда между сопоставляемыми объектами имеется больше различного, чем общего: например, в ФЕ *comme un pet sur une toile cirée* (букв. 'как пук на натертом воском полотне') 'мгновенно скрыться, убежать' сравниваются *pet* 'кишечный газ' (живого существа) и *toile* 'полотно' (неодушевленный предмет) по семам 'быстрота процесса' (от опорной лексемы *pet*) и 'гладкая, скользкая поверхность' (от компонента ФЕ *cirée*).

Метафора, базирующаяся на конкретной лексике, проистекает не из значения слова, а скорее из ходячих представлений о классе реалий, т.е. она основана скорее на соответствиях в нашем опыте, чем на сходствах [3: 171]. Как показывает материал рассматриваемого поля, она рождается в результате взаимодействия гетерогенных сущностей – объектов действительности (основного субъекта метафоры) и некоторых представлений, ассоциируемых со вспомогательным субъектом, с некоторой признаковой категорией, которая может совпадать или не совпадать со значением метафоризируемого слова.

При метафоризации для характеристики человека, как внешнего, так и внутреннего его мира, часто используются зоонимы и фитонимы *avoir l'estomac d'autruche* (букв. 'иметь желудок страуса') 'обладать луженым желудком', *le cœur d'artichaut* (букв. 'сердцевина артишока') 'ветреник', *le cœur de tigre* (букв. 'сердце тигра') 'жестокий, бессердечный человек' [11]. Приведенные французские ФЕ являются примерами одновременно универсальности и избирательности человеческого мышления. В пределах одного языка на разных этапах развития повторяются одни и те же переносы, т.е. образованные в XV-XVI вв. фразеологизмы функционируют без

изменения и в современном французском языке, что подтверждает положение о сходстве образов во времени.

В функциональном аспекте отмечаются две взаимосвязанные стороны: использование метафор в языковой системе как средства вторичной номинации и их употребление в речи в различных функциональных стилях. В ЛФП «внутренние органы человека» с учетом этого выявлены фразеологические парадигмы, в которых практически все ФЕ принадлежат к определенному функциональному стилю – просторечью (*pop.*) и аргю (*arg.*): *amygdale, foie, pet, morve*; частично – *gosier, sang, rate, rein, poumon, crachat*.

Переносное, метафорическое значение зависит от характерных интеллектуальных ассоциаций, от специфичных черт французского языка и от особенностей культуры. Поэтому метафора по-разному раскрывает процесс переработки в языковое значение различных «продуктов» деятельности человека: интеллектуальной, эмоциональной и перцептивной. Так, наличие семы пространственной характеристики *haut* ‘высокий’ *bas* ‘низкий’ метафорически используются французами в выражении *avoir le cœur haut et la fortune basse* ‘происходить из знатной, но бедной семьи’, совмещая тем самым две противоположности. С прилагательным *cristal* ‘кристальный’ во французском языке ассоциируются такие понятия как ‘чистый, безупречный, без изъянов’. На основе данного ассоциативного комплекса развивается метафорическое переносное значение во фразеологизме *cœur de cristal* ‘чистая душа, чистое сердце’, но одновременно исчезают семы ‘твердости’, ‘холодности’ и ‘безжизненности’.

Другим источником образного пополнения является метонимия, которая также как и метафора, по мнению авторов «Общей риторики» относится к одному и тому же классу метасем - «фигур речи, заменяющих одно слово на другое» [6: 170]. Это не означает, что оно (слово) меняет полностью семему (т.е. значение), оно меняет референт [9: 75]: *cœur* – человек, *cervelle* – *cerveau* – *méninge* - человек. Например, лексема *poumon* во фразеологических единицах в ходе метонимического переноса выступает в значении ‘голос, речь’ и, как следствие, референтом является человек (способность говорить имеет только человек): *se redoubler les poumons* (прост.), *chanter à pleins poumons* ‘петь во все горло’. Или же фразеолексы *cerveau* и *cervelle* референтны к значению ‘человек’ в ФЕ: *cerveau vide, cervelle creuse* ‘безмозглый человек’, *cerveau brûlé* ‘сумасброд, сорвиголова’.

Итак, в основе метафорического и метонимического процессов лежит способность человеческого сознания к ассоциативному мышлению. Известно, что ассоциации могут быть случайными и постоянными: первые порождаются конкретным контекстом и вместе с ним исчезают. Постоянные ассоциации порождаются и закрепляются за словом в результате его целенаправленного употребления в границах данного микроконтекста.

Во фразеологической парадигме с лексемой *gorge* (*f*) выявлены примеры и метафорического и метонимического переносов. Лексема *gorge* с XII века

обозначала горло хищной птицы, куда попадала жертва, а с XVI века благодаря метонимическому переносу ФЕ *faire une gorge chaude* приобрела значение 'пожирать кого-либо' (в прямом и переносном смысле). В современном языке это выражение в процессе метафоризации приобрело значение 'насмехаться, шутить над кем-либо' [11: 409]. Лексема *pet* отражает запрещенное, не принятое в обществе действие. То, что запрещено, является хорошим стимулом для метафоризации: так, ФЕ *pet à vingt ongles* в Провансе может также иметь значение 'последний ребенок в семье'; в ФЕ *lâcher comme un pet* 'очень быстро убежать' сравнение происходит по семантической категории 'скорость этих двух процессов' и отождествляется с человеком [11: 608].

Исследование процессов метафоризации и метонимизации в ЛФП «внутренние органы человека» позволило сделать нам следующий вывод: лексеммы во фразеологических единицах данного поля обладают ярко выраженным коннотативным значением, которое является результатом переносного метафорического значения. Конкретные слова анализируемого поля богаты ассоциативными связями благодаря полимодальности образа и они легко вступают в метафорические отношения. В данном ЛФП все внутренние органы и результат их функционирования рассматриваются не отдельно от человека, а как сам человек, т. е. все они меняют референт – от частного к общему. Результаты исследования показывают, что ассоциативные переносы в ЛФП «внутренние органы человека» подтверждают языковую дихотомию: универсальность ассоциаций с одной стороны, и специфичность и избирательность в выборе объектов для сравнения и сопоставления с другой, поскольку в языке названо и называется только то, что является коммуникативно-значимым и ценностным для французов.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. - 2-е изд., перераб.- М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
2. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А.П. Бабушкин. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1996. – 104 с.
3. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика / И.М. Кобозева. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.
4. Кронгауз М.А. Семантика: Учебник для вузов / М.А. Кронгауз. - М.: Изд-во РГГУ, 2001. – 399 с.
5. Мерзлякова А.Х. Типы семантического варьирования прилагательных поля «Восприятие» (на материале английского, русского и французского языков) / А.Х. Мерзлякова. – М.: Эдиториал УРСС, 2003. – 352 с.
6. Общая риторика / Ж.Дюбуа, Ф.Эделин, Ж.-М. Клинкаенберг, Ф. Менге, Ф.Пир, А. Тринон. – М.: Прогресс, 1986. – 392 с.
7. Реферовская Е.А. Французский язык / Е.А. Реферовская, Н.Ю. Бо-

кадорова, О.А. Гулыга, И.И. Чельшева // Языки мира. Романские языки / РАН, Ин-т языкознания: [Ред. кол. И.И. Чельшева и др.]. - М.: Academia, 2001. – С.194-249.

8. Dumarsais C.-Ch. Des tropes ou des différents sens / C.-Ch. Dumarsais. – P.: Flammarion, 1988. – 442 p.

9. Touratier Ch. La sémantique / Ch. Touratier. - Paris: Armand Colin, 2000. – 192 p.

10. Rey A. Dictionnaire des expressions et locutions / A. Rey, S. Chantreau. - 2-ème éd. - Paris: Les Usuels du Robert, 1993. – 1035 p.

А.Н. Лангнер, Ж. Багана

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ ПРОЗВИЩНЫХ НАИМЕНОВАНИЙ

Современных лингвистов в прозвищах больше всего интересуют мотивация и конкретные причины, приводящие к возникновению неофициальной антропонимической категории у человека. Подобный подход учитывает исторический аспект формирования прозвищ. Однако мотивация прозвища может оказаться подвижной, ее можно уточнить. Кроме того, причина возникновения прозвища иногда настолько случайна, что в сегодняшнем употреблении прозвище рассматривается как немотивированное.

Анализируя прозвища не с точки зрения их возникновения, а с точки зрения употребления, можно отвлечься от конкретных мотивов наречения человека прозвищем. Большинство прозвищ, конечно, образны, но эта образность носит обобщённый характер. Одни прозвища действительно называют какую-то черту характера или внешнюю примету; другие же расплывчато-образны, допускают различные толкования или вообще не связаны с характеристиками человека [4].

Исследования последних лет подтверждают, что незыблемой пока остается традиция деления прозвищ на семантические группы. Такое деление интересно, так как учитывается вышеназванный исторический аспект формирования прозвищ. Это означает, что лингвист может определить корни возникновения прозвищ, способы их номинации, а также разобраться в говорах и особенностях быта людей различных территорий.

Указанный тип деления прозвищ на семантические группы носит название этнографического. В современной лингвистике его именуют семантическим. Как отмечает Т.Т. Денисова, «этнографический тип классификаций прозвищ помогает первоначальной обработке материала и может явиться своеобразной исходной точкой для его исследования. Но ... мало установить смысл прозвища – нужно более подробно исследовать его